

Ночью дядюшка Чжоу спал на диване в гостиной, уступив сопровождающую кровать у постели больного Е Тао. В палате погасили свет, стало тепло и тихо. Е Тао, зарытый в мягкое одеяло, молча смотрел на соседнюю кровать.

Он полагал, что если будет хранить верность долгу и скроет это влечение, то удастся избежать мук, с которыми приходит всё большее погружение. Но сегодняшний случай показал ему: человек может сдерживать себя, но сердце — нет. Он не смог сохранить истинное хладнокровие, и неизбежное погружение в пучину стало лишь делом времени.

Е Тао страдал бессонницей. Ночь в бессоннице текла медленно, казалась бесконечной.

Он не ворочался с боку на бок, чтобы не производить шорохов и потревожить спящего рядом, лишь в тишине ночи одиноко переживал мысли, которые никогда не мог озвучить. Он наконец осознал, насколько огромной оказалась брешь в его планах на незаметное влияние, но мог лишь бессильно смотреть, как теряет контроль. Зная, что страдания от невозможности достичь желаемого и отпустить его невыносимы, он был бессилён сопротивляться. Будда говорил, что жизнь всех существ полна страданий, и он был лишь одним из множества простых смертных. Как он мог дерзывать надеяться на исключение?

— Не спится? — Чжоу Цзыцянь в полумраке повернул голову к Е Тао. Тот помолчал немного, потом спустился с кровати и подошёл к нему.

Е Тао откинул край одеяла и лёг слева от Чжоу Цзыцяня. Несмотря на то что он был худощавым и, лёжа на боку, занимал узкую полоску, Чжоу Цзыцянь всё же боялся, как бы тот не упал, и хотел подвинуться, уступив больше места. Это простое движение оказалось затруднительным из-за травмированной руки.

— Не двигайся, — Е Тао остановил его, немного поправив позу и естественно, небрежно прижав левую руку Чжоу Цзыцяня к себе. — Спи.

На самом деле сломанная рука побаливала, поэтому бессонницей страдал не только Е Тао. Но запах Е Тао был особенным — тот лёгкий аромат с едва уловимой горчинкой для Чжоу Цзыцяня был куда действеннее любого успокаивающего фимиама. Температура и запах их тел смешивались, вызывая странную реакцию безмятежности. Сжавшись на небольшой кровати, они, наоборот, крепко и спокойно уснули.

Костные травмы заживают медленно, и нет смысла оставаться в больнице для восстановления. Кроме того, начиная со второго дня пребывания Чжоу Цзыцяня в больнице, visitors не переводились: coming руководители из Гуаньюй, деловые партнёры, потомки и доверенные лица старых соратников Чжоу-старшего. Искренность намерений оставим в стороне, но шуму было достаточно.

Даже залечивая рану, покоя не было. Вежливый со всеми Чжоу Цзыцянь был полон отвращения, потерпел два дня и выписался. Учитывая, что по возвращении домой его тоже не оставят в покое, он после выписки поселился в отдельном доме неподалёку от компании.

Дом был невелик, в два этажа, обставлен скромно и элегантно. Чжоу Цзыцянь останавливался здесь, чтобы немного отдохнуть, когда был слишком занят, чтобы ехать домой. Была нанята лишь одна горничная для уборки. Сейчас же, когда Чжоу Цзыцянь был ранен, дядюшка Чжоу, переживая, что горничная будет ухаживать недостаточно хорошо, тоже въехал сюда.

Однако не прошло и полдня покоя, как Чжоу Цзыцянь приказал дядюшке Чжоу ехать домой и привезти Е Тао, заявив, что раз он здесь отдыхает от суеты, племянник наверняка будет

скучать. Дядюшка Чжоу подумал, что Е Тао — отнюдь не тот, кто примет любые условия с легкостью, и если привезти его сюда, то о покое можно забыть. Но раз молодой хозяин приказал, дядюшка Чжоу мог только подчиниться.

После той злополучной метели погода в столице вернулась в норму. Деревья вдоль улиц выпустили нежные хрупкие ростки, в полдень было тепло, до цветения и весеннего тепла оставались считанные дни.

Машина младшего сына семьи Чжоу медленно въехала в тихий жилой район и остановилась перед зданием. Двери распахнулись, и вышло пять-шесть человек вместе с кошкой. Гэ Ци был с медицинским чемоданом за плечами, Сяо Чэн держал травы, водитель и охранник несли baggage нескольких человек. Е Тао вышел последним, прижимая к себе избалованного господина Баобао. Вместе с вышедшими встречать дядюшкой Чжоу и горничной они едва поместились в лифте.

Поднявшись наверх, дядюшка Чжоу начал bustling, распределяя комнаты. Отдельный дом Чжоу Цзыцяня был невелик, жилых комнат было всего четыре. Местная горничная, женщина сорока с лишним лет, жила в комнате для персонала. Дядюшка Чжоу, для удобства ухода за Чжоу Цзыцянем, занял маленькую спальню напротив главной спальни. Сяо Чэн и Гэ Ци разместились в гостевой, а вещи Е Тао занесли в главную спальню, где жил Чжоу Цзыцянь.

У Чжоу Цзыцяня была травма, причём правой руки, так что наличие кого-то в комнате для помощи было удобно. Но он разрешил поселиться только Е Тао, а «приложение» не подходило — он не любил, когда на белье и одежду попадала кошачья шерсть.

— Я не уйду, я не буду спать в гостиной! — Баобао всеми четырьмя лапами вцепился в подушку, а когда его попытались прогнать, бросился обнимать ногу Е Тао. Глаза его сверкали упрямством, хвост обвился вокруг Е Тао, так что на вид он напоминал древний талисман-кошку, ставшую духом.

Е Тао снял с себя талисман-кошку и, прижав к груди, молча посмотрел на Чжоу Цзыцяня. Тот избегал встречаться взглядом с теми красивыми глазами, а лишь косился на Баобао, который считал Е Тао своей опорой:

— Весной потеплеет, скоро ты начнёшь линять. Слушайся, уходи сам, иначе я подарю тебе новую клетку. Сказано — сделано.

Эти слова явно были адресованы человеку. Е Тао наклонился, разжал руки, и Баобао, прижав уши, убежал.

Осознанность племянника заставила Чжоу Цзыцяня разгладить брови, и он остался весьма доволен:

— Хорошо воспитал. Баобао действительно понятливее и человечнее обычных кошек.

После обеда Е Тао захотел выйти на прогулку. Хотя в районе хорошая охрана, за воротами — общественное место, не сравнить с глубокой усадьбой семьи Чжоу, и Е Тао не мог выйти один, даже с Баобао, разве что Баобао был бы свирепым и преданным тибетским мастифом.

— Я с вами пойду, — предложил Гэ Ци. Как человек медицины, он больше других заботился о здоровье. После плотного обеда ему тоже хотелось пройтись внизу, чтобы помочь пищеварению.

Однако Гэ Ци был внешне интеллигентным, высоким и худым. В играх из него вышел бы чистый лекарь, не танк и не дамагер. Если бы он встретил злодея с недобрыми намерениями, лекарь мгновенно стал бы пушечным мясом. Дядюшка Чжоу не мог доверить ему одного присматривать за Е Тао, а охранник был отправлен в основную усадьбу. Поэтому Сяо Чэн, евший в тот момент на кухне фрукты, был выдерут наружу. Дамагера нет, наберут из людей — лучше, чем ничего.

Баобао был маленьким господином, не видевшим мира, впервые в жизни живущим в районе, и всё казалось ему новым и свежим. Спустившись вниз, он начал носиться повсюду. Увидев, как несколько дяденек у искусственного озера выпускают мальков, Баобао подпрыгивая подбежал к ним. Один дяденька был дружелюбен, выловил малька, только что перевернувшегося брюшком кверху, и предложил Баобао. Тот отступил на шаг и мяукнул: «Спасибо, я не ем сырую еду».

Район был немаленьким, и Сяо Чэн, боясь, что Баобао потеряется, шёл следом за ним. Баобао раздражало, что тот следит за ним, как за вором, и он намеренно юркнул в зелёные насаждения. Сяо Чэн потерял его из вида и начал кричать во всё горло:

— Баобао, не беги, там большая собака!

Услышав это, Баобао закатил глаза и, продолжая своё дело, мысленно ворчал: «Всегда эта фраза, надоело. Могли бы придумать что-то повкуснее».

В кустах раздался лёгкий шелест. Баобао остановился, от любопытства посмотрел в ту сторону, и из аккуратно подстриженной, как стена, изгороди самшита внезапно вынырнула огромная голова с горящим взглядом и стоячими ушами. Взгляды встретились, Баобао вздрогнул как от удара током, развернулся и побежал. Кошки боятся собак по природе, а природа собак такова: есть кошка, не наша — эту можно погонять.

Волкодав решил, что это так, быстро отдернул голову, перепрыгнул через полуметровую изгородь и пустился в погоню, не отставая и лая.

Баобао тоже закричал, его голос был пронзителен и полон ужаса:

— Спасите!!!

Кошка и собака промчались мимо Сяо Чэна, подобно двум быстро пролетающим метеорам.

Сяо Чэн опешил:

— И правда большая собака!

— Хэйцзы, стой! — Пролетел ещё один метеор, на этот раз хозяин волкодава.

Баобао был в ужасе, вся шерсть на нём встала дыбом. Бежал он невероятно быстро. Увидев свою опору, он не говоря ни слова прыгнул к нему в объятия, зарылся носом и хвостом, свернувшись в дрожащий комок. Было просто страшно.

Однако его опора была хрупкого телосложения, с изысканными чертами лица, и по виду не похожа на большого злодея. Волкодав не считал Е Тао за угрозу и, рыча, бросался к нему, пытаясь выхватить Баобао из рук.

Гэ Ци, увидев это, поспешил встать перед Е Тао, защищая его и пятясь назад:

— Не... Не подходи!

Нападение собаки немного замедлилось, она топталась на месте и рычала на Гэ Ци. Гэ Ци в детстве был укушен собакой, и теперь, противостоя такому огромному волкодаву, он дрожал не только внутри, но и у него подгибались ноги.

Прошу прощения за такой долгий перерыв. Сначала возник творческий тупик, а потом приехала мама, и не было времени писать текст. Эта глава была написана вчера вечером, на ближайшие дни снова придётся сделать перерыв, кланяюсь всем и прошу прощения, извините.

<http://bllate.org/book/17687/1650215>